

21 апреля 1823 года из утопающего в яблонево сад Симферополя выехал, держа путь на север, добротная карета с темными, наглухо задержанными шторами. Принадлежала она таврическому губернатору Н.И.Петровскому, однако губернатор в ней не было. Вместо него в карете находились: доктор Лагг, специалист по психическим болезням, двое дюжих санитаров, а между ними — маленький щуплый человек со свежим шрамом на горле. Это был почетный библиотекарь Императорской публичной библиотеки Константин Батюшков.

Звание почетного библиотекаря считалось в те времена весьма престижным и присваивалось за исключительные заслуги. Таковыми были признаны литературные работы Батюшкова, в особенности его снискавшие всеобщее одобрение «Опыты в стихах и прозе». Жалованья, правда, почетному библиотекарю не полагалось (а вечно страдавшему от безденежья Батюшкову оно было б весьма кстати), но открывался путь к службе, и скоро поэт ее получил, причем службу в милой его сердцу Италии.

Но вот беда: солнечная Италия если и развеяла хандру русского поэта, то ненадолго. Скоро он закупал, выпросил отпуск, вернулся в Россию, исчез куда-то и объявился неожиданно-негаданно в Симферополе. Здесь он кое-как промывался зимой и в первый же весенний день перерезал себе горло.

К счастью, рана оказалась не смертельной: безумца спасли. Едва оправившись, он хотел выпрыгнуть из окна (схватили), пытался бежать (не дали), требовал, чтобы ему вернули отнятую шпагу (не послушались).

«Я не в силах ни утешить его, ни предотвратить неминуемое несчастье», — совершенно растерявшись, доносит таврический губернатор министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде, в ведении которого числился канцелярский дипломат. А спустя день отправил бедолагу в Петербург в той самой карете с темными шторами.

Но то был еще не полный крах. До окончательного помутнения рассудка и окончательного диагноза, который вынесет консилиум немецких врачей, пришедших к выводу, что болезнь неизлечима, еще добрых четыре года. Пока же поэт много времени проводит с друзьями и при этом нередко вызывает прежнюю ясность ума. «Все, что он говорил со мною,

не показывает сумасшествия, — с удовлетворением и надеждой констатирует Жуковский. Однако прибавляет: — Если, конечно, не коснешься главного: его любви, друзей, правительств».

С друзьями ясно: как и прежде, принимает близко к сердцу все их удачу и неудачу. Ясно с правительством, которое олицетворяет для него прежде всего придирчивый граф Нессельроде (временами поэту чудится, что тот спрятался у него в печке), но вот любовь, поставленная Жуковским по силе воздействия на первое место. Что здесь имеется в виду?

Уроки любви

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Труж. — 1995. — 8 сент. — с. 5

У Батюшкова она оказалась сильнее рассудка

Любовная лирика Батюшкова напряжена, драматична и носит характер явно адресный: не стихи о любви вообще, а о любви к конкретной женщине. Вот только имя такой удается раскрыть далеко не всегда. Лишь один женский силуэт сияет в сумрачной биографии поэта отчетливо и ярко. Это — Анна Фурман, прекрасная Аннета, кружившая голову многим петербургским львам, хотя ни ветреницей, ни кокеткой не была. Напротив, отличалась скромностью и тихим нравом.

Рано лишившись матери (да и отца фактически тоже, ибо овдовевший агроном быстро женился на другой), у бабушки воспитывалась, но бабушка тоже скоро умерла, и тогда ее взяла к себе старая бабушкина подруга Елизавета Марковна Оленина, походка — и не без язвительности — упомянутая Пушкиным в черновых набросках к «Евгению Онегину». Так сирота попала в один из самых блестящих петербургских домов, центр интеллектуальной жизни тогдашней российской столицы. Здесь-то она и познакомилась с Батюшковым. Двадцатилетняя Аннета увидела перед собой человека «необычайно приятной наружности, — как отметил один наблюдательный современник. — Глаза у него были чудного голубого цвета, волосы курчавы, губы довольно большие, сладострастные. Он всегда отлично одевался, любил

даже рядиться и был педант в отношении моды. Говорил он прекрасно, благозвучно и был чрезвычайно остроумен».

Сам он себя видел несколько иначе. «Лентий, шалун, чудака, беспечный баловень, маратель стихов... который любит друзей своих, влюбляется от скуки».

От скуки? И в красавицу Аннету тоже?

В 1955 году, ровно через сто лет после смерти Батюшкова, один дотошный исследователь его творчества обнаружил в необъятных хранилищах Пушкинского дома записную книжку того, чью скорбь

может, самое сокровенное, осталось за ее пределами.

«...Чтоб я влюбился, — признавался автор «Опытов...», — надобны две вещи — или очарование кокетки, или нечто божественное».

Или — или... Одно несомненно: поэт влюбился «истинной любовью», и ему почудилось, что чувство, вспыхнувшее одновременно «и в голове, и в сердце, и в крови», загло в воспитательнице Олениных ответный огонь.

Из Петербурга он уехал с надеждой, и надежда эта не оставляла его долгие месяцы, пока моло-

дая, добрая, словом, ангел, согласилась выйти за меня замуж, то я, верно, бы не упустил... да где ее возьмешь?»

И вот такая нашлась. Разве что не в Москве, а в Петербурге, и без трех тысяч душ. Первое не имело, разумеется, никакого значения, а второе... Второе имело лишь в той мере, в какой он сам был беден.

Это, увы, мера большая. Сквозной мотив многочисленных батюшковских писем — жалобы на безденежье. Впрочем, в истории мировой литературы не так уж много писателей, которые не роптали бы

Неужто ошибся, надеясь на «взаимную страсть»?

Ошибся... Нет, Аннета не любила другого, но... Но не любила и его. Восхищалась, симпатизировала, жалея, но — не любила. На что, признавал он, у нее были свои резоны. И даже резоны эти, как он их себе представлял, однажды перечислил.

«Первый резон — мал ростом. 2-й — не довольно одороден. 3-й — рассеян. 4-й — слишком снисходителен».

Шестым резонном шло: «не чиновен, не знатен, не богат», а следующим, седьмым: «не женат», но это-то как раз было поправимо. Он прямо-таки мечтал, чтобы

Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами,
Признательность свою и счастье находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре.

Признательность была, было даже согласие стать его женой, уже собирались в Крым вместе (не оттого ли потом и окажется в Симферополе?), но вот счастья, какового он так жаждал видеть на дорогом лице и какового одно только и придавало смысл всему, ибо быть счастливым в одиночку, от одного лишь сознания, что обладаешь любимым существом, — заметного счастья этого он в Аннете не обнаруживал. И вот тогда-то Батюшков, замечивший о себе однажды, что «вполювину чувствовать» не умеет, отказывается от возлюбленной. Навсегда! Отказывается от брачного союза.

«Я не должен жертвовать тем, что мне всего дороже, — растолковывает он тетушке свой поступок. — Я не стою ее, не могу сделать ее счастливою с моим характером и с маленьким состоянием».

И прибавляет — как заклинание, как последнее, исчерпывающее объяснение: «Не любить я не в силах». Ибо «...ум не победит любви».

Но это уже не письмо тетушке, это уже стихи...

Ум «не победил», сломался в неравном поединке. Наступили мрак, беспамятство, растянувшийся на десятилетия сон, столь любезный сердцу поэта.

Я просыпаюсь, чтоб заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.

Это — последние стихи Батюшкова, он написал их за два года до смерти. И это — единственные стихи, созданные им за тридцать лет болезни.

Руслан КИРЕЕВ.

ную дату отмечала в тот год вся Россия. Было на этих ветхих страницах — и о любви.

«Любовь может быть в голове, в сердце, в крови. Головная всех опаснее и всех холоднее. Это любовь мечтателей, стихотворцев и сумасшедших».

Сумасшедшим Батюшков тогда еще не был (хотя не исключал для себя в будущем такой возможности), но мечтателем и стихотворцем был в полной мере. К тому же чувствуется, что предмет, о котором ведется речь, он знает не понаслышке. Сердечная любовь, убежден он, не столь опасна, как головная; та, что в крови, — это, по его мнению, любовь чуть ли не опереточная, истинная же «должна быть и в голове, и в сердце, и в крови. — Затем прибавляет, не в силах сдержаться: — Вот блаженство! — Вот ад!»

Именно такое чувство вызвала в нем Аннета. Именно это — блаженство и ад — испытал он благодаря ей.

В твоём присутствии страдания и муки

Я сердцем новые познал.

Так напишет он позже, обращаясь к Анне Фурман, — напишет, но не опубликует, оставив в рукописи.

Анне Федоровне посвящено множество поэтических строк Батюшкова, большинство из них вошло в его главную книгу «Опыты в стихах и прозе», но кое-что, быть

дой офицер сражался с наполеоновскими войсками под Лейпцигом, участвовал в осаде Парижа — «Я с именем твоим летел под шумки брани» — или, когда пушка смолкла, «прогуливался в тишине, весь занятый тобой». Вот уж действительно она все это время была его добрым гением...

«Мой гений» — название обращенных к Анне Фурман стихов, которые переложил на музыку Глинка и которые начинаются знаменитыми строчками:

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...

Не в первый — и не в последний! — раз Батюшков, один из умнейших людей своего времени, отказывается в доверии рассудку, явно предчувствуя, что именно рассудок изменит ему — в отличие от сердца, доброта, чуткость и «ум» которого сохраняются даже в долгие годы болезни. (Более тридцати лет проведет он во мраке безумия). Но мрак этот наступит еще не скоро. Пока он вместе с другими победителями Наполеона находится за границей, однако все его мысли — о предстоящем возвращении домой и встрече с Аннетой.

Не только о встрече. Не только... Еще и о том, что дальше будет, после.

Когда-то он написал сестре Александре, «что если бы невеста (а в Москве их тьма) с тремя тысячами душ, прекрасная собой, ум-

на материальные трудности. А скольким проклятая нищета испортила жизнь, встала непреодолимой стеной между ними и их возлюбленными!

Однако убежденный пессимист Батюшков был в этом отношении не таким уж пессимистом. Скверно, конечно, когда человек беден, но, пишет он сестре, «если б еще могла извинить или заменить это взаимная страсть?»

Знак вопроса свидетельствует о неуверенности, но уже в следующей фразе заявляет твердо, что если такая страсть будет ниспослана небом (а сдается ему, она ниспослана!), то он, не задумываясь, предпочтет «женитьбу без состояния той, которая основана на расчетах». Словом, он сделал свой выбор, и потому возвращается на родину — а возвращается он морем, через Англию и Швецию — было окрашено в самый чудный из цветов: в цвет надежды.

Исполненный всегда единственным тобой,
С какою радостью ступил на брег отчизны!

Эти строки не появились в первом издании «Опытов...», Батюшков опустил их. И хотя стихи называются «Воспоминания», воспоминания сии были неполными, о многом старался забыть и сердился, когда об этом — о том, что последовало после возвращения, — упоминали другие.